

Протоиерей
Сергий Гомаюнов

АВРААМ,
ИСААК
и КОЗЛЁНОК

Вятка
«Буквица»
2020

ББК 84(2=411.2)6–4 + 86.372

УДК 821.161.1–3 + 281.9

Г. 64

Г.64 Гомаюнов С. А. Авраам, Исаак и козлёнок / прот. Сергей Гомаюнов. – Вятка [Киров] : Буквица, 2020. – 120 с.

Эта книга – третья в серии кратких размышлений автора о том, что происходит в нашей жизни, в контексте библейского мировоззрения.

ББК 84(2=411.2)6–4 + 86.372

Г. 64

© Гомаюнов С., протоиерей, текст, 2020
Издательство «Буквица», макет, 2020

АВРААМ, ИСААК И КОЗЛЁНОК

Великий пост, пятничное богослужение, Литургия Преждеосвященных Даров. Читаем двадцать вторую главу Книги Бытия, стихи с первого по восемнадцатый. Восемнадцать строк, а в них рассказ о событии из жизни Авраама, о котором потом были написаны многие тысячи страниц философских и художественных текстов. Здесь же всего восемнадцать строк, и те тысячи страниц ничего не добавили и ничего не объяснили из того, что произошло с Авраамом.

Сына, наследника, утешения отцовского сердца – вот чего ждал Авраам многие годы, о чём молился и просил Бога. И Бог обещал ему, что исполнится его прошение. Тридцать лет ждал Авраам рождения сына. Он уже был столетним старцем, когда на свет появился Исаак, возлюбленное чадо. И ещё тридцать лет Авраам растил и воспитывал Исаака. Земная жизнь Авраама близилась к концу, он был покоен.

И вот начало двадцать второй главы: «И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам, Авраам! Он же сказал: вот я. И сказал Бог: «Возьми сына своего возлюбленного, которого ты возлюбил, Исаака, и иди в землю Мориа и вознеси его там в жертву всесожжения на одной из гор, о которой Я тебе скажу».

И сразу после этого: «Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всежжения и, встав, пошёл на место, о котором сказал ему Бог».

Вот так, как будто просто: услышал, потом поспал, а утром встал, всё приготовил и пошёл. Но ведь так собираются накануне, а затем утром рано идут куда-нибудь отдохнуть, развлечься, провести время. Здесь же должно быть по-другому! Хочется узнать, как отозвалось слово Божие в Аврааме, что он думал. Может быть, спорил с Господом, роптал, не соглашался, упрекал? Как он вообще пережил эту ночь? Ничего не говорит нам об этом Священное Писание. Только: «Авраам встал рано утром... и пошёл».

Место, о котором сказал ему Бог, оказалось в трёх днях пути. Три дня Авраам и Исаак, предназначенный в жертву, но не знавший об этом, шли к горе Мориа. Три дня, это же так много! Но об этих днях снова по-библейски кратко сказано: «Авраам пошёл на место, о котором сказал ему Бог. На третий день Авраам возвёл очи свои и увидел то место изда- лека». Но как же так? Три дня пути! Авраам, знающий, зачем они идут, и сын его возлюбленный, ничего не подозревающий. Они что, так просто и шли? Ведь о чём-то же думал Авраам, о чём-то же они говорили? Или не говорили ни о чём?

В 1843 году датский философ Сёрен Кьеркегор написал книгу «Страх и трепет». Она посвящена двадцать второй главе Книги Бытия. Это одна из самых глубоких попыток в мировой филосо-

фии проникнуть во внутренний мир Авраама, готовившегося принести в жертву своего сына. Кьеркегор ставит перед собой задачу: «следовать за ними в трёхдневной поездке, когда Авраам ехал, с печалью глядя перед собой, и Исаак был подле него». Желанием писателя было «находиться рядом в тот час, когда Авраам поднял глаза и увидел вдали гору Мория, в тот час, когда он отпустил ослов и один взошёл на гору с Исааком». Автором двигал не «трепет фантазии, но содрогание мысли».

Книга действительно по-своему интересная. Философ подступает к Аврааму, словно опытный следователь, пытается выстроить логику его рассуждений, принятия решений, привлекает на помощь других мыслителей, обращается к античной трагедии, опирается на свой

опыт веры. Но размышления на тему «существует ли телеологическое устранение этического» приближают ли нас к библейскому Аврааму? Сто страниц философского текста раскрывает ли то, что было внутри Авраама все эти три дня пути, о которых Библия сказала только: «На третий день Авраам возвёл очи свои и увидел то место издалека»?

Нет, не приближает и не раскрывает. Нам хочется по-нашему, как говорится, по-человечески, посмотреть и послушать, что происходило на пути к горе Мория. Через сто двадцать лет поэт Иосиф Бродский, прочитавший книгу Сёрена Кьеркегора, написал поэму «Исаак и Авраам». Бродский тоже попытался стать спутником Авраама и Исаака и наполнил трёхдневное шествие многочисленными диалогами.

У Бродского Авраам всё время потопрапливает Исаака:

«Идём, Исаак. Чего ты встал? Идём».

«Сейчас иду». – Ответ среди веток мокрых ныряет под ночным густым дождём, как быстрый плот – туда, где гаснет окрик.

...«Идём же, Исаак». – «Сейчас иду».

«Идём быстрее». – Но медлит тот с ответом.

«Чего ты там застрял?» – «Постой». –

«Я жду».

(Свеча горит во мраке полным светом).

«Идём. Не отставай». – «Сейчас, бегу».

С востока туч ползёт немое войско.

«Чего ты встал?» – «Глаза полны песку».

«Не отставай». – «Нет-нет». – «Иди, не бойся».

Авраам спрашивает Исаака: несёт ли он дрова, Исаак – не потерял ли отец трут. Исаак нет-нет да и отстаёт, рассматривает кусты, и поэт вместе с ним делает то же, размышляя о том, на что похож куст:

«По сути дела, куст похож на всё:
На тень шатра, на грозный взрыв, на
ризу, на дельты рек, на луч, на колесо –
но только ось его придётся книзу.
С ладонью сходен, сходен с плотью всей.
При беглом взгляде ленты вен мелькают.
С народом сходен – весь его рассей,
но он со свистом вновь свой ряд
смыкает.
С ладонью сходен, сходен с сотней рук.
(Со всею плотью – нет в нём только речи,
но тот же рост, но тот же мир вокруг).
Весною в нём повсюду свечи, свечи».

Так видится Иосифу Бродскому трёхдневный путь Авраама и Исаака к горе всежжения. Понятнее ли стал нам Авраам Библии? Приоткрылось ли нам то, что происходило в его душе?

Желание приписать Аврааму своё, как если бы на его месте были сами философ или поэт, – это желание дать обширное примечание к библейскому тексту, за которым может потеряться сам библейский текст. Ведь он же такой короткий, всего одна строка: «На третий день Авраам возвёл очи свои и увидел то место издалека». А примечание – целая книга или поэма.

* * *

Закончилась служба. Мы с дьяконом, отцом Геннадием, разоблачаемся в алтаре. Неожиданно отец Геннадий говорит:

«Я вот много думал об этих трёх днях путешествия Авраама и Исаака, каково было Аврааму. И однажды вот что понял». Отец Геннадий рассказал, как он в прошлом нёс послушание в монастыре – присматривал за козами. Случилось: коза родила двойню – козлика и козочку. Отец Геннадий привязался к ним, подкармливал, ухаживал за ними. А они тоже привязались к нему, часто залезали к нему на колени и укладывались «валетиком», так и спали, как маленькие дети. Такими родными они стали для отца Геннадия.

Прошло время, козлята подросли. Козочке предстояло стать взрослой козой, от неё ожидалось молоко и приплод. А вот с козликом всё было сложнее. Взрослый козёл доставляет много проблем, а отдача от него невелика. Не зря же, когда хотят сказать, что от кого-то мало проку,

говорят: «от тебя, как от козла молока». К тому же козлы ещё и дурно пахнут. И настоятель монастыря благословил отправлять козлика в трапезную, в пищу паломникам и трудникам.

Отцу Геннадию предстояло доставить своего козлика до места. «Путь Авраама занял три дня. Я вёл козлика на заклание в монастырь всего три часа. Три часа. Но что пережил за эти три часа...» На глазах отца Геннадия заблестели слёзы. Больше он ничего не сказал. Да и не надо было ничего говорить, по крайней мере, для меня. Краткий рассказ, такой же краткий, как библейское повествование. Но почему-то история, рассказанная отцом Геннадием, и его молчание со слезами открыли мне о библейском Аврааме больше, чем философские исследования или художественные интерпретации.

* * *

Библейские святые. Священное Писание говорит нам о них, кажется, слишком кратко, без психологизма, без эмоций, без развёрнутой рефлексии. И в этом тоже есть свой смысл. Святитель Николай (Велемирович) сравнивал святых с солнцем. Внутри солнца бури и протуберанцы, но мы этого не видим. До нас от солнца доходит только свет и тепло, которые дают нам жизнь, ласкают и утешают. А к тому, что у святых внутри, какой ценой достаётся им стать теми, какими их знает Церковь, мы можем прикоснуться каким-то особым образом, как это случилось для меня через историю об Аврааме, Исааке и монастырском козлёнке.

ХЕРУВИМСКОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Вы когда-нибудь видели, чтобы ослёнок на иконе улыбался? Я тоже до последнего времени не видел, пока случайно не наткнулся на коптскую икону Входа Господня в Иерусалим. На иконах византийской традиции ослик, который везёт Иисуса Христа, смотрит себе под ноги, а на коптской иконе он вместе со Христом смотрит прямо на тебя и улыбается. Это так трогательно, по-детски, может быть, потому, что копты – египетские христиане – сохранили в своей традиции евангельскую заповедь «будьте как дети», и им есть нечто сказать и о том ослёнке, который оказался в центре всеобщего ликования в день входа Господня в Иерусалим.

О том, что именно таким образом Мессия явит Себя Своему народу, было сказано за много веков. Ещё ветхозаветный Иаков, благословляя своих сыновей, пророчествовал об Иуде, из колена которого придёт Примиритель. Он «привязывает к виноградной лозе ослёнка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей». Виноградник здесь – это Церковь Божия. И пророк Захария, словно сам, будучи участником праздника, восклицал: «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной».

Ничего не знал об этих пророчествах молодой ослёнок и не понимал, что сейчас он исполняет особое – херувимское

– послушание, как об этом говорит Церковь, обращаясь к Господу: «На Херувимах носимый и воспеваемый Серафимами, Ты воссел на молодом осле, как Сын Давидов, и дети воспевали Тебя, как подобает славить Бога». И, может быть, всеобщее ликование, людские одежды и пальмовые ветви, подстилаемые под его копыта, приписывал себе и улыбался.

* * *

Впервые о том, что собою представляет херувимское послушание, я узнал больше двадцати лет назад, когда ещё мирянином пошёл в Великоорецкий крестный ход. Главная святыня хода – чудотворная икона святителя Николая Чудотворца. Тысячи людей не только со всей страны, но со всего мира собираются в начале июня на Вятскую зем-

лю, чтобы принять участие в этом многодневном ходе. Я с великим уважением и даже с долей зависти смотрел на тех, кто, сменяя друг друга на каждом переходе, нёс икону, сам же долгое время не решался предложить свою помощь. На третий день пути, когда до села Велikorецкого оставалось всего два перехода, я всё же набрался смелости и подошёл к отцу Тихону, предстоятелю хода, с просьбой благословить понести икону. К великой моей радости, батюшка согласился и даже сам взялся за носилки сзади, а мы с ещё одним крестоходцем Борисом понесли икону спереди. Моему ликованиему не было предела.

Но примерно через полчаса пути из-за леса вынырнула огромная чёрная туча. Она быстро приближалась к крестному ходу. Началось шуршание:

это крестноходцы срочно доставали из рюкзаков плащи, накидки, клеёнки, готовясь к грозе. Мы, несшие икону, шли, как прежде. Гроза не заставила себя ждать. Такого ливня я никогда не видел. За несколько секунд мы стали мокрыми насквозь. Дорога превратилась в один бурный поток. Мы скользили, по очереди падали, вымазались в грязи, поднимались, снова несли. При этом прямо перед носом работала какая-то съёмочная группа иностранных журналистов, снимая «русский экстрим».

Кое-как дошли до места, где обычно бывает последний привал перед Велюкорецким. «Привала не будет», – прокричал отец Тихон. Бессмысленно было останавливаться и садиться в грязные лужи. Мы понесли икону дальше. Точнее даже не понесли, а заскользили вниз по

глиняному склону, размытому продолжающимся ливнем.

Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался. Подул пронзительный холодный ветер. Но испытания уже подходили к концу, мы вступили на твёрдую дорогу, ведущую в село Великорецкое. С обеих сторон дороги к крестному ходу спешили встречающие. Я чувствовал себя героем: ведь мы же такое вытерпели и дошли. В глубине души ждал, что нас будут благодарить, хвалить. И вдруг произошло нечто совершенно неожиданное для меня. Людской поток достиг нас, и все смотрели не на нас, а на икону святителя Николая, радовались, плакали, молились, целовали святой образ. И в этот момент я познал неведомую мне прежде радость «херувимского послушания». Святитель Николай вновь

пришёл на место явления своей иконы, его ждали и дождались. Наши ноги, плечи, руки немножко послужили этому. Я прочувствовал радость «ослика», на котором святитель благословил проехать несколько шагов. И мне больше ничего было не нужно. Я улыбался во весь рот, как ослик с коптской иконы. А на следующий год я шёл в крестный ход священником.

* * *

Начинающему священнику очень нужен пример опытных в духовной жизни отцов. Одним из таких учителей для многих, пусть хотя бы только через напечатанные труды, стал митрополит Антоний Сурожский, архиерей Русской Православной Церкви, нёсший своё служе-

ние в Великобритании. Из его воспоминаний мне запомнился рассказ о том, как он сам, будучи молодым священником, получал уроки от своих прихожан. Например, такой: «Я был у дверей церкви, и старушка подходила. Я посторонился, чтобы она прошла. Она меня как пихнёт в спину. Я влетел в церковь, пошёл в алтарь – молиться... После службы выхожу, – она меня ждёт. Думаю: вот теперь достанется!.. И досталось. Она мне говорит: “Отец Антоний, я Вас пропустила вперёд не потому, что я Вас уважаю, – я Вас не знаю и потому и уважать не могу, а потому, что на Вас крест”. – “Спасибо!” – “А Вы помните вход Господень в Иерусалим? Вы помните, как люди расстилали свою одежду и финиковые ветки перед Христом? А что, Вы считаете, ослица думала? Она, небось, шла и ду-

мала: “А я и не знала, какая я важная, что люди мне свою одежду кладут под ноги!..” А клали-то не ослице, а в честь Христа. Так вы научитесь хорошей ослицей стать”. Вот такой урок я получил».

* * *

Сегодня мы служили Литургию Преждеосвященных Даров. Я нёс на своих руках Господа в Его Святых Дарах. Хор пел: «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы, се жертва тайная совершена доносится». Вместе с Ангелами Божиими несли мы нашего Спасителя. Помоги мне, Господи, достойно исполнять херувимское послушание, научиться и стать Тебе хорошим осликом, нести Тебя к детям Твоим, этому радоваться. И больше ничего не нужно.

ГРАНИЦЫ РОССИИ

«Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянье». Эти слова поэт Сергей Есенин сказал о своей жизни, жизни каждого человека. Она вмещает в себя так много всего, что нагромождение случайностей может не позволить увидеть в ней главные черты портрета души человека. Портрет можно воспринять как целое, только отойдя на некоторое расстояние, при котором всё второстепенное теряется, остаётся только лик.

А если это не душа отдельного человека, а целый народ во всей его истории, культуре? Есть ли у него единый образ, не складывающийся в картинку из отдельных пазлов-портретов, а обладающий самостоятельным выражением глаз, в которых скрыта тайна имени

«Россия»? И что это за расстояние, которое надо одолеть, чтобы взгляд оказался способен охватить целое, дать сердцу радостное чувство узнавания, рождающее слова о сокровенном?

Это расстояние не времени и не пространства. Оно находится в особом измерении, недоступном гордому духу. Гордым взглядом на Россию может смотреть наш соотечественник и увидит в ней одни недостатки. И согласится с Петром Яковлевичем Чаадаевым, что Россия живет в тесном горизонте без прошлого и будущего, не способна понять и усвоить блага, которые изобрели другие, протягивает к ним руки, как ребёнок к погремушке, не понимая ни смысла её и ни употребления. Отсюда и его приговор: если хочешь знать, как не надо жить, смотри на Россию.

Гордым взглядом на Россию смотрели и смотрят многие из «цивилизованного мира», не находя в ней ничего, кроме наготы («Не поймёт и не приметит / гордый взор иноплеменный, / что сквозит и тайно светит/ в наготе твоей смиренной»).

Недоступное гордому взгляду открывается только смиренному, тому, кто Россию полюбил, полюбил не за что-то, полюбил так, как любят дети своих родителей, или муж и жена друг друга. Тех, кто умеет любить, нужно слушать, учиться у них и вместе с ними открывать в себе измерение, в котором живёт истина.

Одним из тех, кто полюбил Россию сразу и навсегда, был известный немецкий поэт и писатель Райнер Мария Рильке. Дважды побывав в России (в 1899-м и 1900-м годах), он увидел Россию так,

как не видели и часто не видят её те, кто по паспорту называется её гражданином.

Вернувшись в Европу, Рильке постоянно вспоминал о России, рассказывал о ней. В 1904 году увидели свет «Рассказы о Господе Боге». В них автор часто беседует с Эвальдом, соседом из дома напротив, прикованным к инвалидному креслу. Однажды автор долго отсутствовал и когда вернулся, Эвальд спросил его, где он так долго был. «Я был в России» – «В России? А что это за страна – Россия? Она, наверное, большая?»

Автор, обдумывая ответ, сказал, что сейчас ему стало многое ясно. Например, ясно то, с чем граничит Россия.

«На востоке? На севере?» – пытал его Эвальд.

«Нет», – сказал автор. – «Нас испортило чтение карт. Там всё плоско и ров-

но. И когда нанесены четыре стороны света, людям кажется, что всё уже сделано. Но ведь страна – не атлас. Она должна упираться во что-то вверху и внизу».

«С чем же граничит Россия?» – спросил Эвальд.

«Россия граничит с Богом», – отвечает автор.

Вот оно – то самое измерение, в котором открывается лик России. Россия граничит с Богом. Рильке это понял.

Примерно в то же самое время, когда появились «Рассказы о Господе Боге», всероссийский пастырь, неутомимый святой священник – праведный Иоанн Кронштадтский, объездивший всю страну, проповедовавший с амвонов сотен храмов, пытался достучаться до сердца каждого человека, чувствуя наступающую беду: «Перестали понимать рус-

ские люди, что такое Россия. Она есть подножие престола Божия».

Россия граничит с Богом, она – подножие престола Божия. Почему же то, о чём писал с радостью Рильке, с тревогой спрашивал Иоанн Кронштадтский? В России уже носились в воздухе революционные идеи. Новой религией стала наука, которая «доказала», что никакого Бога нет, и все наши границы находятся здесь, на земле, в этих земных границах мы будем строить рай. Перестали понимать русские люди, что есть Россия, и, не понимая, обрekli её на жестокие испытания и муки. Забыв о небесных рубежах, потеряли многое из земного.

За плечами нашего народа трагический двадцатый век. Кажется, что он закончился. Нам так хотелось бы думать. Но он не закончится, пока остаётся без

ответа вопрос, который задал Эвальд автору, услышав, что Россия граничит с Богом. «И заметно ли в России это соседство?» – спросил он. Ответ должен дать не Рильке. Ответ должны дать мы. Что скажем?

ПРАВИЛА ЖИЗНИ

Если хочешь что-то сделать хорошо, делай это правильно. Хочешь грамотно писать, знай и применяй правила языка. Желаете быть отличником по математике, знай и используй правила этой науки. Если хочешь с работы или из школы добраться живым и здоровым до дома, соблюдай правила дорожного движения.

Но, кроме частных правил, существуют ещё и правила жизни. Если хочешь

прожить правильно, надо знать правила жизни и положить их в основание всякого дела. Разговор о правилах жизни можно превратить в скучнейшее занятие, которое не приведёт ни к чему другому, как только к желанию их нарушать. Всё зависит от того, кто нам расскажет о правильной жизни. Наверное, лучше других это сделает тот, кто уже немало пожил, может быть, попробовал на собственном опыте, что будет, если ввязаться в «бои без правил», и носит в душе шрамы своих поражений, боль которых помогла полюбить прежде ненавистные правила. В таком случае послушаем учителя, за плечами которого опыт многих поколений, – это наш народ.

Народная мудрость кратка и ёмка. Это родное дитя библейских притч, когда в одном-двух предложениях говорит-

ся о человеке больше и полнее, чем во многих томах академической науки.

Однажды спросили мудрого правителя, что нужно для того, чтобы народ благоденствовал и страна процветала. Он ответил: «Есть два простых правила. Первое: пусть ступеньки ваших храмов будут истёрты. И второе: пусть серпы ваши и плуги сверкают, как зеркало».

Истёртые ступеньки храмов... В своё время нам пришлось немало поездить по тем местам, которые называют русской глубинкой. Сейчас это быстро умирающие сёла и деревни, из которых молодёжь уезжает в города. Остаются жить старики. И ещё остаются огромные по сельским меркам храмы, пустые, полуразрушенные, со следами располагавшихся в них машинно-тракторных станций или складов с удобрениями, сквер-

ными надписями на стенах и редкими сохранившимися изображениями святых с выколотыми глазами.

Когдаходишь в такой храм, словно ныряешь в глубину истории, так что перехватывает дыхание. Всё молчит, но всё готово с тобой заговорить, рассказать о чём-то важном. Вспоминаю одно такое село и такой храм. Когда нам отперли дверь и мы вошли внутрь, ступая по чугунным плитам, я обратил внимание на то, что на этих плитах пролегли две тропинки. Чугун было не просто истоптан, но даже частично выношен, так что две неглубокие ложбиночки, словно пересохшие русла ручейков, текли когда-то по полу. «Что это?» – спросили мы. «Это от следов множества людей, когда-то приходивших в этот храм», – ответили нам.

Потом наступили времена, когда людей убедили, что в храме говорят о выдуманной жизни, а настоящая – вот она: тракторы, удобрения, электрификация и прочее – вот фундамент жизни. Люди перестали ходить в храм. Никто больше не истирал подошвами своих ног его ступени. Вскоре почти не осталось здесь людей, умирает село. Молчит храм, потому что никто не спрашивает у него, как правильно жить.

Ну а серпы и плуги, сверкающие, как зеркало, – это о чём? Нет у нас сейчас в домашнем хозяйстве ни того, ни другого, и не знаем мы, отчего бы серпы и плуги могли засверкать? Никто специально их не полировал. Они становились такими в ходе работы. Плуг зачищался о землю во время пахоты, а серп во время жатвы. Лежащие же без употребления в са-

рае они темнели и ржавели, словно заболели без работы.

Истёртые ступени храма и блестящие плуги и серпы – это два правила жизни: молись и трудись. Нужно и то, и другое, и в таком порядке. Если ноги знают путь в храм и руки не скучают от безделья, значит, будет жив народ, на опыте познавший слова Господа: «Жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое» (Втор. 30:19). Учитель есть. Были бы только ученики.

СТОП

Выезжаю со двора и через минуту останавливаюсь на перекрестке. Днём он всегда нагружен, машины медленно и нервно понемногу продвигаются вперёд,

стараясь встать поближе к светофору. И почти никто не замечает или не хочет обращать внимания на знак «Стоп», который запрещает останавливаться ближе пяти метров от поворота. Действуют по принципу: как все, так и я.

Зато рано утром, когда я еду в храм на службу, на дороге вообще никого. Только знак «Стоп». А у него всегда одно: не подъезжай близко к перекрёстку, остановись на положенном расстоянии. Какой соблазн не слушать его и придвинуться вплотную к светофору! Знак этот не будет удерживать, если ты пересечёшь черту. Его дело предупредить. Он как педагог, обучающий правилам, а оценки поставит жизнь.

Велика сила соблазна перейти за знак «Стоп». Знают об этом и взрослые, и дети. Вот картинка. Старшая группа детского

сада, дети заняты играми. Вдруг воспитатель говорит: «Ребята, меня вызывают к заведующей. Я скоро вернусь, ведите себя хорошо». Она разделяет пространство комнаты лентой на полу и просит, чтобы за эту черту никто не выходил. Проходит совсем немного времени, и один из ребят приближается к ленте, прохаживается вдоль неё. Потом как бы случайно наступает на неё одной ногой. Потом заступает за неё, быстро прыгая обратно. В общем, когда воспитатель вернулась, вся группа была за запретной линией.

Так живёт всё человечество со времён Адама и жены его, первыми заступившими за запретную черту заповеди о невкушении от запретного дерева. Не тяжела была для них заповедь, когда дал её им Бог. Она, словно знак «Стоп», только предупреждала о последствиях наруше-

ния. Люди же позволили дьяволу соблазнить себя. Сначала искуститель внушил им, что нарушать заповедь можно и никакого наказания не будет. А потом сказал, ради чего стоит зайти за запретную черту: будете как боги. То есть будете свободны, и никто не смеет ограничить вашу свободу, никакие знаки «Стоп». Приложили люди эти слова к сердцу, попробовали сладость искушения «быть как бог», захотели переступить и переступили.

Все мы – дети Адама, каждый знает сладость желания перейти запретную линию. «Если нельзя, но очень хочется, то можно», – отвечает наше испорченное нутро, встречаясь глазами со знаком «Стоп». Иногда мы успокаиваем себя тем, что зашли за линию совсем немного, чуть-чуть и в любой момент можем

запрыгнуть обратно в безопасное пространство, как тот детсадовец, который прыгал через ленту туда-сюда. Но в жизни всё бывает по-другому. Преподобный Паисий Святогорец говорил о «сладкой горке греха». Сделал по ней несколько шагов: помыслил о запретном, убедил себя в том, что ничего страшного в нарушении нет, утвердился в намерении, и тут впрыскивается сладкий яд: сделаю и буду сам для себя бог. Всё: дальше заскользишь по «сладкой горке», как по трамплину, и зацепиться не за что, а потом полетишь вниз, а там бездна.

Знает Бог, какими путями ходит наша душа. Знает Он и начало этих путей – греховные мысли. Ничего ещё не сделал человек, только стал усиленно думать. Вот тут-то и ставит Господь предупреждающий знак «Стоп». Здесь, а не позже, ког-

да уже ноги побежали к запретному дереву и руки потянулись к его плодам. Знак стоит на пороге, отделяющем мысль от дела. Здесь и надо остановиться, и, по слову преподобного Паисия, «поймать себя на месте преступления». Здесь проходит черта, которая должна стать линией фронта с искусителем. Надо учиться быть внимательным к тому, что творится в наших головах, и помнить, что от одной свечки сгорала Москва, от одного камня начинается лавина в горах. «Стоп» – какое простое и важное слово, которое надо научиться заметить, услышать и исполнить, даже если рядом за поворотом не стоит представитель ДПС, готовый выписать тебе штраф за нарушение правила.

...Снова раннее утро. Еду в храм. Никого рядом нет. Только мой добрый

знакомый – знак «Стоп», не дающий забывать не только о правилах дорожного движения, но и о правилах жизни.

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Вы когда-нибудь видели, как взбирается по отвесным скалам альпинист? Посмотрел наверх, забивает в самое надёжное на каменной стене место клин, который становится точкой опоры для навешивания системы, и делает несколько шагов вперёд. Снова взгляд к вершине, поиск новой точки опоры. И так шаг за шагом.

Вот этот взгляд наверх, к вершине и точка опоры – это образ цели, без которой человек никуда не будет двигаться, либо движение его будет хаотичным и

бессмысленным. Когда человек не имеет цели в жизни или он её потерял, душа, словно медленно казнямая, начинает испытывать особое страдание. Это состояние описал А. С. Пушкин:

«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?»

В стихотворении есть такие слова:

«Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум».

Пустое сердце, которое ничему не может обрадоваться, расслабленный

ум, потерявший силу мыслить, и тоска: «Скучно, ну, очень скучно». Такова плата за бесцельное существование.

Цель нужна во всяком деле. Но её одной, даже самой хорошей, мало. Чтобы достигнуть цели, нужны средства. Если цель хорошая, все ли средства для её достижения хороши?

В XVI веке в Католической Церкви был основан орден иезуитов. Перед иезуитами ставились самые сложные задачи, а они отличались особым искусством подыскивать любые средства для решения этих задач. Основателю ордена Игнатию де Лайоле принадлежит мысль: «Цель оправдывает средства». То есть для достижения поставленной цели любые средства хороши. Чистота цели, якобы, может искупить порочность средств.

Ничего не зная ни об Игнатии де Лайоле, ни об ордене иезуитов, множество людей действовали и действуют согласно этому правилу. Возьмём, к примеру, учёбу. Ученик поставил перед собою хорошую цель – успевать по всем предметам, иметь достойные отметки. Но к хорошей цели пытается двигаться негодными средствами. Переменка, и сразу видны искатели лёгкой награды: в классе, на скамейках в коридоре, на подоконниках в раздевалке, а кто-то даже и в туалете, склонились над чужими тетрадками, перенося к себе результаты чужого труда, с тем, чтобы через несколько минут выдать их за свои.

Другие, может быть, и не списывают. Но мотивом к хорошей учебе считают первые места, грамоты и дипломы, известность, славу и даже материальный

эквивалент – обязательные, как они считают, вознаграждения за потраченные усилия.

Иногда негодный мотив может лежать так глубоко, что никто в человеке его не увидит, если он сам не признается. Например, зависть к успехам другого способна на какой-то период вдохновить к усердию в учёбе.

Негодными средствами можно достичь очень амбициозных целей. Но спрашивает нас Слово Божие: «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 8:36). Никакой. Православная Церковь устами прп. Симеона Нового Богослова, сформулировала золотое правило: «Добро, которое делается недобрым образом, не добро». Оно приложимо ко всякой деятельности чело-

века, в том числе и к учебному труду. Мотив к учёбе – сама учёба: радость узнавания нового, удивление тому, каков наш мир, сотворённый Богом, знакомство с удивительным внутренним миром учёных, писателей, учителей, которые ставят перед собою высокие цели и находят достойные средства к их достижению. Остальное, если нам будет полезно, приложится.

Не будем обманываться: даже самая, казалось бы, хорошая цель, не принесёт радости душе, если средства, ведущие к цели, будут дурными: «Скорбь и теснота всякой душе, делающей злое... Напротив, слава, честь и мир всякому, делающему доброе» (Рим. 2:9–10).

«АГНОСТИК»

– Друг, ты почему не посещаешь уроки Закона Божия?

К такому вопросу гимназист был готов заранее.

– Я – агностик, – не без гордости ответил он.

– Ты хоть знаешь, кто такой агностик?

С этим оказалось сложнее. Смысл его ответа был таков: агностик – это тот, кто не знает, потому что не хочет знать.

В отличие от моего ученика об агностицизме мне было известно гораздо больше: ещё не забылся курс истории философии, который нам преподавали в институте. «Гносис» – по-гречески – «знание», приставка «а» – отрицание.

Агностик – это представитель философского течения, который мог бы сказать так: «Я не знаю, потому что это непознаваемо». Агностики не были невеждами. Они лишь считали, что человеку недоступна сущность всякой вещи. Мой же собеседник оказался просто лентяем.

Незнание – обязательный спутник человека. Чем больше человек узнаёт, тем обширнее становится пространство осознаваемого им незнания. Чтобы это понять, представьте себе окружность с увеличивающимся радиусом. Пока радиус был маленький, окружность по всей своей небольшой длине соприкасалась с соседней областью. По мере же увеличения радиуса и окружность становится больше, значит, и линия соприкосновения с неохваченным ею пространством также становится длиннее. По мере ро-

ста знания возникает всё больше новых вопросов. Но это при условии роста знания. Если же такого роста нет, у человека возникает иллюзия, что он во всём уже разбирается и так всё знает, поэтому и учиться ему нечему и незачем.

«Доброе незнание», то незнание, которое подвигает человека к познанию, пока ещё ему не открытого, пробуждает в человеке особую жажду – жажду постижения неведомого. Утоляя эту жажду, человек может в корне изменить свою жизнь.

* * *

В 1861 году в русское консульство в Японии прибыл иеромонах Николай (Касаткин). О Японии он узнал из объявления в Петербургской Духовной Ака-

демии о призыве желающих послужить делу духовного просвещения этой далёкой загадочной страны. Во всё время своего путешествия к месту назначения отец Николай представлял себе Японию как спящую невесту, которую надо разбудить, чтобы она явила всему миру свою красоту.

Действительность оказалась совсем иной. По прибытии в Японию отец Николай узнал, что здесь всё ещё действует средневековый закон XVII века, запрещающий распространять какую-либо религию, кроме местной. Японцу же, принявшему иную веру, грозила смертная казнь.

Несколько лет отец Николай не мог заниматься тем, ради чего приехал сюда, за пределами консульства. За это время он в совершенстве изучил японский язык,

историю и культуру страны, но не понимал, как это применить на деле. И однажды ему представился случай.

Русский консул нанял для уроков по фехтованию своему сыну настоящего японского самурая. Его звали Савабэ Такума. Отец Николай неоднократно встречал его в коридоре консульства и каждый раз наткнулся на враждебный испепеляющий взгляд. В очередной раз отец Николай неожиданно для Савабэ заговорил с ним по-японски: «За что ты меня так ненавидишь?» Самурай резко ответил: «Ты приехал к нам, чтобы разрушить веру наших отцов, насадить христианство и через это поработить наш народ. Ваша вера – зло».

– «А ты что-нибудь знаешь о христианстве?»

– «Нет»

– «Как же ты можешь говорить о чём-то, что это зло, когда ничего о нём не знаешь?»

Савабэ смутился. И как человек, имеющий живую совесть, решительно сел на ступеньки лестницы и сказал: «Рассказывай». Та первая встреча продлилась несколько часов. В конце Савабэ воскликнул: «Я хочу быть христианином!» Отец Николай даже испугался за него, потому что даже объявив о своём намерении, Савабэ подвергал себя смертельной опасности. Но самурая уже ничто не могло остановить. Он, словно губка, жадно впитывал в себя живую воду христианской веры. Через некоторое время отец Николай совершил над ним Таинство Крещения. И дал ему имя Павел в честь апостола Павла, который, однажды узнав Воскресшего Христа,

из гонителя превратился в его верного служителя и обратил ко Христу тысячи язычников.

Новокрещённый японец Павел также был готов умереть за Христа. Вскоре он привёл к отцу Николаю своих знакомых. Так появилась православная община, из которой впоследствии выросла Японская православная Церковь. А бывший самурай Савабэ Такума стал первым японским православным священником – отцом Павлом Савабэ.

* * *

Из «доброто незнания» родился ещё один великий проповедник Православия, только теперь уже на Западе, митрополит Антоний Сурожский. Его отец

служил в русском посольстве в Персии. Революция 1917 года в России застала семью Блумов за границей. Они решили не возвращаться в охваченную большевистским террором Родину и переехали во Францию. Отец, будучи верующим человеком, не сделал ничего для религиозного воспитания своего сына. Поэтому Андрей ничего толком не знал о христианстве и не интересовался им.

Однажды, когда Андрею было одиннадцать лет, он услышал разговор о христианстве, о Евангелии, вмешался и заявил, что, по его мнению, религия и Церковь – это всё чепуха. Кто-то из взрослых сказал ему: «Слушай, ты всё это отрицаешь, но ты сам-то хоть что-нибудь об этом знаешь?»

– «Нет, не знаю!»

– «Это неправильно. Если ты что-то

отрицаешь, ты хотя бы должен знать, что именно ты отрицаешь».

Для Андрея это оказалось аргументом. Он пришёл домой с намерением прочитать Евангелие и утвердиться в своём представлении о христианстве. Взяв Библию, он впервые с удивлением узнал, что Евангелие не одно, их четыре. Естественно, он выбрал самое короткое – Евангелие от Марка.

«Когда я заканчивал третью главу, – вспоминал потом владыка, – я вдруг ощутил, что Тот, о Ком я сейчас читаю, находится здесь, рядом со мной. Это не было галлюцинацией, я ничего не видел и не слышал, но всем существом своим ощущал, что Христос здесь». «Но если это так, значит всё, что о нём сказано в Евангелии, правда!» – подумал он.

Андрей, не отрываясь, прочитал всё Евангелие до конца. Под впечатлением прочитанного он выскочил на улицу Парижа и спрашивал встречающих: «Вы читали Евангелие? Как, вы не читали Евангелие и ничего не знаете об Иисусе Христе?!»

Так начался духовный путь митрополита Антония, который, познав Христа, привёл к Нему многие тысячи людей по всему миру. А всё началось с принятия упрёка: никогда не говори плохо о христианстве, которого ты совсем не знаешь.

* * *

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не хо-

лоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15–16). Мне долгое время было непонятно, кто такие «холодные», о которых говорит Иисус Христос, и почему Он желал, чтобы, если ты не был «горяч», то, по крайней мере, был бы «холоден». И это лучше, чем если ты тёпл, то есть теплохладен, ни то ни сё, и теплохладный будет извергнут из уст Божиих, то есть останется вне Бога. Я догадывался, что «горячие» – это те, кто пламенеет в вере, горит, как свеча, неся свет веры другим людям. Сейчас я понимаю, кто такие «холодные». Они пока не знают ничего о Христе и потому отрицают Его. Но когда-то «холодный» услышит упрёк: «Как ты можешь говорить плохо, отрицать то, о чём ничего знаешь?» И тот, кто был «холодным», пробудится от укола совести и скажет: «Рассказывай,

я хочу узнать». И произойдёт духовное пробуждение, родится отец Павел Савабэ, митрополит Антоний и многие-многие другие, которые, узнав Христа, станут «горячими».

«Горячим» не способен стать только «теплохладный», не способен, потому что сам закрывает дверь своего ума и сердца: «не знаю и знать не хочу».

Друг мой «агностик», как же мне достучаться до тебя?

УЗЕЛКИ

Запуталась нить, завязался узел. Как поступить? Можно решительно рвануть или разрезать, да ещё и похвалить себя: «Я, как Александр Македонский». Когда в 334 г. до Р.Х. Александр завоевал древ-

нюю Фригию и вошёл в её столицу, ему показали любопытный памятник старины – повозку, оглобли которой были перевязаны сложнейшим узлом. По преданию, эта повозка принадлежала Гордию, земледельцу, волею случая ставшему царём Фригии. Он и завязал на своей повозке узел, названный по его имени «гордиевым узлом», и заявил, что тот, кому удастся развязать этот узел, станет правителем всей Азии. Веками желающие приступали к гордиеву узлу, но никому не удавалось его распутать. Александр Македонский, недолго думая, взял и разрубил узел своим мечом. Так и вошло в поговорку: «разрубить гордиев узел», то есть решить проблему одним махом.

Не знаю, заслужил ли гордиев узел такой участи, но поступок Александра Македонского можно оценивать по-разному.

Кто-то видит в нём пример для подражания в том, как нужно решительно относиться к надуманным проблемам. Но, может быть, гордиев узел был задачей, которую Александр даже не захотел решать, и тем самым лишил себя возможности получить большую пользу для своей души. Не следует каждый узелок называть гордиевым. Тот, кто не рубит узлы, а развязывает их, обретает терпение, без которого невозможно никакое по-настоящему великое дело. Терпение – это многодетный родитель, и одним из его детей является опытность, или, по церковно-славянски, искусство (Рим. 5:4).

Известный кинорежиссёр Н. С. Михалков снял замечательный фильм о своей маме. Он так и называется – «Мама». Обращаясь к своему детству, Никита Сергеевич рассказал об одной маминой

привычке. Она может показаться, на первый взгляд, странной, но режиссёр вспоминает о ней с благодарностью. Наталья Петровна любила делать заготовки на зиму. В доме всегда было много банок с соленьями, вареньями и прочими вкусностями. Но крышки банок были перевязаны узелочками. Мама установила строгое правило: разрезать верёвочку нельзя, нужно её обязательно развязывать. И дети терпеливо развязывали узелки. Наградой их терпеливого труда становилось содержимое банки. Эту привычку Натальи Петровны в семье никто не обсуждал, все воспринимали заведённое ею правило как закон, без сомнения, что можно как-то по-другому.

И вот однажды маленький Никита с мамой пошли в знаменитый тогда в Москве кондитерский магазин на улице

Горького (ныне Тверской). Там они выбрали торт. Продавщица стала упаковывать и перевязывать его. В этот момент кто-то с ней заговорил. И Никита с ужасом смотрел, как продавщица, разговаривая, механически продолжала завязывать торт, узел за узлом, так что, веревка с этими узлами превратилась в тонкую сосиску. Никита думал только об одном, как он будет развязывать все эти узлы. У него и мысли не было, что верёвку можно просто разрезать. Дома он терпеливо распутал верёвку, и все потом наслаждались замечательным тортом.

Вспоминая об этой привычке своей, уже покойной мамы, Никита Сергеевич благодарил её за урок воспитания терпения, вошедший в характер режиссёра и оказавший самое непосредственное влияние на его творчество. Фильмы

Михалкова отличаются проработанностью каждой сцены. Учтена каждая мелочь. Всё, даже кажущееся второстепенным, доводилось всегда до максимально возможного совершенства. Опыт развязывания узелков, полученный в детстве, определил эту черту творчества режиссёра. Узелки научили терпению, а терпение родило великое искусство. Михалков признался, что лишь пару раз при съёмке фильмов он к каким-то незначительным эпизодам отнёсся легко – вроде бы сойдёт. И каждый раз, когда он пересматривал потом фильмы, ему было стыдно за эти не до конца проработанные эпизоды.

Вся жизнь человека состоит из таких узелков, начиная от самого простого и обыденного. Есть соблазн не развязывать их, а разрубить, пойти лёгким путём. Попалась трудная задача по матема-

тике – так хочется посмотреть готовый ответ. Задали сложный перевод – напрашивается в подмогу автоматический переводчик. Нужно написать реферат – загляну в интернет, воспользуюсь готовым и выдам за своё. Но не станут эти плоды пищей твоего ума и сердца, потому что не на своём поле ты собрал урожай. Только если научишься жить плодом своего труда, всегда сыт будешь, ибо сказано: «Кто возделывает землю свою, тот будет насыщаться хлебом, а кто подражает праздным, тот насытится нищетою» (Притч. 28:19).

В узелки могут завязаться отношения между самыми близкими и дорогими людьми: супругами, родителями и детьми, друзьями. Нетерпеливость подталкивает: руби с плеча эти связи и разбегайся в стороны. Но ты не поддавайся, проя-

ви терпение, развязывай узелки. Господь, сказавший: «что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6) – да будет тебе в помощь.

Посетило тебя страдание, болезнь, потеря, неудача. Ты запутался, хочешь разорвать узел проблем, посчитаться с жизнью. Потерпи, развязывай ситуацию столько, сколько она потребует. За это обещана великая награда: потерпевший до конца, развязавший, а не разрубивший узел, тот спасён будет (ср.: Мф. 24:13).

КТО НАС СОЕДИНЯЕТ

В одной притче рассказывается о том, как отец давал наставление своим сыновьям. Он предложил каждому из них переломить пучок связанных веток,

они не смогли это сделать. Тогда отец развязал пучок и предложил переломать каждый отдельный прутик. Сделать это оказалось нетрудно. «Так и вы, – сказал отец, – пока вы вместе, никто не сможет вас сломать. Но если между вами не будет единства, каждый из вас по отдельности не устоит». В притче остаётся без ответа только один вопрос: а что нас может связать в единое целое? И всякая ли связка для этого годится?

Люди могут собраться по слову Христову: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Двое, трое или многие, собранные во имя Христово, и между ними Христос – это Церковь. Её никто и никогда не сможет сломить. Она устояла во всех гонениях, в том числе и тех, которые были в нашей стра-

не. Вся сила атеистического государства, включая тюрьмы, лагеря, расстрелы, была тогда направлена против Церкви. Но христиане остались верны Богу, Бог был с ними, и они победили.

Но возможна и другая связка. В Евангелии мы читаем, как однажды из иудеев составила толпа, жаждущая смерти Иисуса Христа. Толпа состояла из разных групп, в обычное время не очень-то ладивших между собой. Но сейчас они оказались объединены связкой – «против кого будем дружить». Толпа вела себя очень агрессивно, требуя расправы над Праведником: «Распни, распни Его!» На вопрос Понтия Пилата: «Царя ли вашего распну?» толпа кричала: «Нет у нас царя, кроме кесаря». Толпа брала на себя все последствия: «Кровь Его на нас и на детях наших!» А когда это совершилось,

толпа распалась, и те же люди расходились, били себя в грудь, многие со слезами, сокрушаясь о том, чему были свидетелями и участниками.

Прошли века, но толпа и сегодня действует как бы по одному, раз написанному сценарию. Она ведёт себя как единый организм, кем-то управляемый. Человек, становящийся частью толпы, во многом теряет способность критически оценивать свои действия. В толпе не стыдно что-то сделать: бросить камень из-за спины впереди стоящего, выкрикивать разные гадости, разгромить магазин и унести что-то с собой. Не стыдно, потому что это же не «я», а «мы». А с «мы» какой спрос?

Чтобы люди превратились в толпу, нужны два условия. Во-первых, у толпы есть те, а у них, в свою очередь, есть

тот, кто ими манипулирует. Словно по взмаху волшебной палочки со всех сторон стекаются в толпу люди, очень часто, молодёжь. «Как вы здесь все оказались?», – спрашивает журналист.

– «Нам сообщили по сетям».

– «Кто?»

– «Мы не знаем».

Во-вторых, с толпою сливаются те, кто не умеет думать о причинах происходящего, размышлять о смыслах, кто не знает историю, не читает серьёзную художественную литературу, не посещает могилы родных и не убирается там. Одним словом, те, кто не имеют глубины. Они легко подхватывают любые идеи, вбрасываемые в распалённое сознание. Поверхностные идеи для поверхностных людей: «за свободу всего, против всех».

«Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

.....

Эх, эх!

Позабавиться не грех!

.....

И идут без имени святого

Все двенадцать – вдаль.

Ко всему готовы,

Никого не жаль».

А. Блок

Господу всех жаль. Он даже Иуду, уже предавшего Его, жалел и обращался к нему: «Друже, друг». Не жаль никого тому, кто хотел убить Христа. Кто и тогда, и сейчас, собирает вокруг себя своё воинство, желая победить, но воинство его на деле оказывается просто толпой, которая сегодня есть, а завтра её

нет. Победа обещана не ему и не толпе, а Церкви: «Дети! Вы от Бога, и победили их, ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире» (1 Ин. 4:4).

ПАМЯТЬ КОРОТКАЯ И ДЛИННАЯ

«Недостаточно памяти». Опять мой телефон не хочет открывать список абонентов и уведомляет, что у него «недостаточно памяти». С телефоном всё понятно – бездушная вещь с заранее определёнными возможностями.

А вот человек. Его возможности невероятно велики. Из всего, что мы можем, используем лишь ничтожную часть. Но человек постоянно жалуется, как и мой

телефон, что у него «недостаточно памяти». Особенно заметна эта странная болезнь, когда речь идёт об исторической памяти, памяти народа, к которому мы принадлежим. Казалось бы, мы такие богатые: у нас более, чем тысячелетняя история, насыщенная важными событиями, так много замечательных соотечественников, потрудившихся везде, где было нужно. Есть и печальные страницы истории, которых из книги жизни не выкинешь. Да и нельзя этого делать, ведь это всё наше, оно и делает нас единым, через все века и при всех изменениях, народом в истории.

Но странная болезнь налицо: историю знаем плохо, часто и знать не желаем. А что не своё, то и отдать не жалко, даже на поругание. В чём же начало этой болезни, где её корни?

Над исторической памятью нашего народа не раз проводились эксперименты по её «укорачиванию». Например, в эпоху так называемого «просвещённого абсолютизма». Императрица Екатерина II серьёзно увлекалась идеями французских просветителей, ставших отцами Великой Французской революции. Особенно, с глубоким интересом, она читала работы известного вольнодумца Вольтера. Вольтер попробовал себя и на поприще истории, написав ещё по заказу Елизаветы Петровны историю России времён Петра I. На вопрос Екатерины: «Почему у вас история России начинается с Петра I?», она услышала в ответ: «А разве у вас до Петра была какая-то история?»

Потом над исторической памятью нашего народа поглумились творцы Октябрьской революции и их последовате-

ли, разделившие историю Отечества на «до 1917 года» и «после». И хотя в «до» попало более девяти веков, а в «после» – около 70-ти лет, ценить нужно было только то, что «после».

Совсем короткой «достаточную» для общества историческую память хотели сделать те, кто в 1991 году развалил страну, а вместе с ней попытался по новой развалить историческую память. Сейчас не только царское, но и советское прошлое стало рисоваться как тёмное пятно, дающее повод для самоуничтожения, самобичевания и покаяния за всё, что у нас не так, как у всего «остального цивилизованного мира».

Короткой исторической памяти революционеров и безбожников всякого рода противостоит длинная память христианской традиции. Для христианина сохра-

нять историческую память в целостности на всём её протяжении – это даже не пожелание, а прямая заповедь Божия.

Священное Писание рассказывает нам, когда и как появился народ Божий. Он родился в период от выхода из египетского плена и до достижения земли обетованной. В этой истории было всё: и прямое водительство Божие, Его помощь и заступление, верность и предательство людей, страх и ропот, и вновь единение с Богом. Читающий Библию впервые часто недоумевает, почему там так много говорится о поражениях народа, ведь для памятования можно было бы оставить только победы. Оказывается, нельзя. Об этом говорит заповедь, данная народу Божию: «Помни весь путь, которым вёл тебя Господь, Бог твой, по пустыне вот уже сорок лет, чтобы сми-

рять тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет; Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать, что не одним хлебом живёт человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живёт человек... И знай в сердце твоём, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего» (Втор. 8:2–3, 5).

«Помни весь путь, которым вёл тебя Господь, Бог твой» – вот полная мера исторической памяти и нашего народа тоже. Меньшей она не может быть. В истории народа нет ничего лишнего, второстепенного. В ней есть мы, бывавшие всякими, и Небесный Отец, Который всегда постоянен в Своей любви к нам, Который смиряет, испытывает, учит

тому, что источником жизни и всякого блага – и материального и духовного – является Сам Бог и слово, исходящее из уст Его. Если исключить из истории Промысл Божий и оставить в ней одного человека, историческая память народа будет в опасности, так как всегда найдутся желающие положить её в прокрустово ложе своих предпочтений и обрубить всё, что не умещается в узкое сознание их, убеждённых, что человек – это звучит гордо. А у гордого человека память короткая, так как в неё не вмещается ничего, кроме него самого и того, что питает его самолюбие. Гордый стирает из памяти Бога, Бог стирает его из истории.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

24 июня 1941, через два дня после начала Великой Отечественной войны, по радио впервые прозвучали стихи Василия Ивановича Лебедева-Кумача «Вставай, страна огромная». 30 июня стихи были положены на музыку Александром Васильевичем Александровым (в своё время он был не только известным режиссёром, дирижёром, но и регентом церковных хоров, в том числе и регентом храма Христа Спасителя в Москве). Так появилась песня, ставшая гимном Великой Отечественной войны. И таковой она стала не по приказу партии. Она озвучила голос народной души. В её музыке, в её словах ожило, нашло средство выражения отношение народа к этой войне. Важнейшими строчками песни были:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

Не из недр богоборческой антицерковной советской идеологии, но из глубинной памяти верующего народа появились эти слова – священная война, слова, которые заключали в себе весь смысл той страшной трагедии. К этим словам нельзя относиться только, как к удачному поэтическому выражению, вызывающему сильный эмоциональный отклик. Именно так – «священная война» – и воспринималась нашим народом

Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

О том, что такое «священная война», мы узнаём из Священного Писания. Часто войны велись ради приобретения территорий, экономической и геополитической выгоды. Но были и особые войны, когда враг посягал на самое святое – веру, святых, на саму душу народа. Тогда в войну вступала не только армия, войну вёл народ, который искал опору в Боге. И Бог не посрамлял веры и чаяния Своего народа, укреплял в мужестве, в стойкости духа, в жертвенном подвиге.

Священное Писание не обходит стороной вопрос: почему приходили столь страшные испытания? Только ли замыслы врага были виной тому, что начиналась война? Нет ли и у народа Божия своей вины перед Богом? И звучит ут-

вердительный ответ: главная причина войны, ведущейся против народа Божия, – его собственные тяжкие прегрешения против Бога, нарушение верности Ему, отступничество. Вот как об этом говорится в Книге судей: «Избрали новых богов, от того война у ворот» (Суд. 5:8). О том же говорит и пророк Исайя: «Не хотели они ходить путями Его и не слушали закона Его. И Он излил на них ярость гнева Своего и лютость войны» (Ис. 42:24–25).

Вспоминая о Великой Отечественной войне, мы не имеем права забывать о том, что до этого, на протяжении без малого четверти века, советская власть, заявившая свои претензии на построение нового общества – коммунизма, «рая на земле», поставившая перед собой цель – создать из нашего народа принципиально

новую общность советских людей, объявила другую войну – войну на уничтожение Церкви, бросила вызов Богу, посягнула на то, чтобы народ изменил своей вере, своей многовековой истории, своим предкам, которые собирали и защищали своё Отечество, нося имя Божие на устах и храня его в своём сердце.

Масштабы этой войны не передаются цифрами, хотя и сами цифры впечатляют. Приведём некоторые из них: в 1917 году в России насчитывалось 60 тысяч храмов, к 1939 году по всей стране их осталось около 100. На нашей с вами малой родине – Вятской земле – до революции было 1100 храмов, на начало Великой Отечественной войны – 6, и все они в районах, в Кирове не осталось ни одного действующего храма. Последний из них – Серафимовский со-

бор – был превращён в музей истории религии и атеизма.

Гонения на Церковь сопровождались массовыми арестами и расстрелами священнослужителей, которые начались с конца 1917 года. Количество погибших подсчитать невозможно. Для осознания масштабов приведём данные только за один 1937 год (то есть двадцатый год с начала гонений): арестовано 136 900 священнослужителей, из них расстреляно 85 300. Только за один год. К началу войны на свободе находились всего 4 архиерея, и это на всю страну. К слову, Вятская епархия была полностью разгромлена и своего архиерея не имела.

Ни в каких цифрах нельзя отразить то, что советская власть пыталась сделать, забираясь в сознание людей. Советская идеология получила опору в виде

коммунистической, комсомольской, пионерской и октябрятской организаций, занимала неограниченный доступ в систему образования, создала советский вариант искусства, литературы. Бесновались различные общественные организации, такие, как «Союз воинствующих безбожников». Действовала огромная пропагандистская машина, опирающаяся на насилие, запугивание, репрессии против инакомыслящих.

Руководители войны против Церкви были умными людьми и хорошо понимали, что разрушить храмы, расстрелять священников и сжечь Библии – это даже меньше, чем полдела. Вековые традиции веры глубоко были укоренены в сознании народа. Поэтому была поставлена грандиозная задача по изменению исторической памяти: переименование все-

го, что напоминало о священных корнях нашей культуры (имена людей, названия улиц, городов и т.д.), насаждение искажённого представления о нашей истории до революции.

Но и это не всё. Ведь в народе всегда оставались те, кто не поддавался операции по пересадке души. Их искуснейшими способами выявляли и уничтожали. Например, как понять, кто из верующих людей не только верит, но и готов жертвовать собой ради веры? По новому законодательству вводятся так называемые «двадцатки» – это те верующие, которые имеют право обратиться к власти с просьбой открыть и зарегистрировать приход. Первые двадцать – в расход. На их смену появляются новые добровольные мученики, сами делают шаг вперёд – новая «двадцатка». Их в расход. Так

уничтожали самых твёрдых и бесстрашных верующих.

И несмотря на все усилия советская власть получила наглядное свидетельство о том, что её война против Церкви далека от победы. В 1937 году провели всесоюзную перепись населения. В переписные листы намеренно был включён вопрос о вероисповедании. Неужели через 20 лет тотальной безбожной войны ещё найдутся те, кто открыто готов сказать: «Я верую, от Бога не отрекаюсь, готов принять любые муки за Него?» Результат оказался ошеломляющим: 42,3% взрослого населения страны (от 16-ти и старше) открыто свидетельствовали о своей вере. Из них 75,2% показали себя православными.

Это было серьёзнейшее поражение советской власти в её беспощадной вой-

не против Церкви. Результаты переписи подтолкнули руководство страны объявить третью пятилетку пятилеткой безбожия, чтобы, как говорили, само «имя Бога» было забыто на всём пространстве нашей страны. Третья пятилетка должна была завершиться в 1942 году. 22 июня 1941 года с нападения фашистской Германии на Советский Союз началась Великая Отечественная война, «война народная, священная война».

Германия и её союзники были мощной военной силой, опирающейся на ресурсы всей Европы, развитую экономику, многолетний военный опыт. Но важнейшим для Германии залогом победы, на которую она рассчитывала, являлась её идеология. Эта идеология предусматривала не только уничтожения армии противника, но уничтожение целых на-

родов, в том числе и нашего народа, с превращение ничтожного остатка в рабов цивилизованной Германии. Например, в памятке каждому солдату вермахта, вступившему на нашу землю в 1941 году, говорилось, что немецкий солдат – это не просто солдат. Он не может просто воевать, он – каратель: хлеб гражданским не давай, травы колодцы, забирай корову, носи курицу. Преследуй, уничтожай всех, кого сочтёшь нужным. Беспощадность ко всем – норма. Не только к тем, кто держит оружие. Ко всем, в том числе и к мирным: взрослым и детям. Ко всем. Это не война армии против армии, это война народа против народа.

Такая война требовала особой идеологии. Чтобы убить человека, и то нужна иной раз идея. И Каин убил Авеля не на почве бытовой ссоры. И Раскольнико-

ву оказалась нужна теория об избранных и остальных, чтобы перешагнуть через кровь и понять, что он не «тварь дрожащая», а право имеет. Тем более особая идеология нужна была фашистской Германии, осуществлявшей убийство миллионов людей на промышленной и научной основе. Немецкая нация родила эту идеологию из недр своего духа, идеологию массового человекоубийства, подкреплённой не только военными, но и экономическими, и научными возможностями.

Против такого врага нельзя было выставить только военную силу, экономику, людские ресурсы. Для победы в войне против идеологии, рождённой духом германской цивилизации, нужно было противопоставить своё. И очевидно, что этим своим не могла стать советская иде-

ология. Она не способна была сплотить всех в единый народ. Она не была для этого предназначена. Советская идеология умела вести классовые войны, разделять и противопоставлять, а не объединять. Объединять всех, без различия, может только то, что священо. А именно против всего святого советская идеология и воевала с самого начала.

Сам дух нашего народа опознал в напавшем на нас враге проявление мирового зла, претендующего на мировое господство. Потому он оказался готов выступить на священную войну. Голос Церкви стал голосом этой священной войны.

22 июня 1941 года первым ко всему народу как народу Божию обратился Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). К сло-

ву, в тот момент И. В. Сталин не нашёл в себе сил что-то сказать людям, он решился выступить только 3 июля, то есть через две недели после начала войны, и его выступление началось словами, которых никто не ожидал слышать: «Братья и сёстры». 22 июня был воскресным днём, когда Церковь совершала память Всех святых, в земле российской просиявших. Германия, конечно, не имела это в виду и не придавала этому никакого значения. Она не поняла, что вступила в войну не только с Советским Союзом. Она вступила в священную войну для нашего народа, где на нашей стороне выступили все те, кого называли Святой Русью. С нами Бог!

Об этом сказал митрополит Сергей в своём воскресном обращении: «В последние годы мы, жители России, утеша-

ли себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснётся нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге пред родиной и верой и выходили победителями.

Не посрадим же их славного имени и мы – православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищает оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, учёным, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея

любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя». Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради родины... Путём самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Таково было обращение Первосвященника к народу. В нём нет ни одного слова об обидах, причинённых советской

властью Церкви, нет ни одного слова о самой этой власти и её идеологии. Есть призыв вспомнить всю многовековую историю, укрепиться примером прежних поколений, напитаться тем же духом, которым они жили и побеждали. И советская власть вольно и невольно дала возможность Церкви формировать этот дух жертвенного служения, дух народа-победителя. По требованиям верующих повсеместно стали открываться ещё не разрушенные, но пустующие храмы. Из мест заключения возвращали оставшихся в живых священнослужителей. В том числе, в 1942 году в г. Кирове верующим вернули Серафимовский храм. Из мест заключения освободили протоиерея Вениамина Тихоницкого, который вскоре принял архиерейский сан и приступил к восстановлению нашей епархии.

В сентябре 1943 года Сталин пригласил в Кремль троих архиереев во главе с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, спрашивая их о том, что нужно сделать, чтобы Церковь могла беспрепятственно осуществлять своё патриотическое служение.

Святые воины прежних веков появились на экранах кинотеатров, им посвящались стихи и проза. Даже в просмотре реестра государственных наград в стиле военной формы ощутилась потребность в возвращении к священным традициям прежних поколений.

Широко известна патриотическая деятельность священнослужителей и мирян Русской Православной Церкви в годы войны. На собираемые ими средства оказывалась огромная помощь фронту, в том числе сформированы тан-

ковая колонна «Дмитрий Донской» и авиационная эскадрилья «Александр Невский». На фронт посылали самое необходимое каждому солдату. Всего Церкви было собрано на нужды войны более 300 млн. руб. Священнослужители совершали героическое служение на оккупированной фашистами территории, принимали участие в партизанском движении. Гитлер очень рассчитывал на то, что Церковь поддержит Германию, понеся столько страданий от советской власти, и грубо просчитался.

Во время войны открыто свидетельствовали о своей вере и обращались за помощью к Богу не только простые рядовые солдаты, но и представители высшего командования: Георгий Константинович Жуков, Иван Степанович Конев, Леонид Александрович Говоров и другие.

Василий Иванович Чуйков, командующий 62-ой армией, насмерть стоявшей в Сталинграде, вспоминал: начался немецкий артобстрел и взрывами разнесло два соседних блиндажа. Чуйков понял, что следующий снаряд может быть для него последним. Он написал прощальное письмо семье и попросил передать это письмо в случае его смерти. В это время его мама молилась за него в далёком тульском селе Серебряные Пруды. Уже после войны 8 братьев Чуйковых встретятся в родительском доме, с долей бравады начнут вспоминать о своих подвигах (а им было что вспомнить: все воевали на передовой). Мать всех выслушала, а потом сказала: «Сынки, это я вас всех у Бога вымолила. Поэтому вы все целы и невредимы». За столом повисла тишина. В этом момент каждый из них

вспомнил, сколько раз каждый из них был в шаге от смерти, но как будто что-то отводило её. Рядом гибли сотни товарищей, а они не получили ни одного серьёзного ранения. В том числе Василий Иванович вспомнил, как он крестился кулаком во время бомбёжки, когда обрушились стены штаба, и у него судорогой свело пальцы. А рукописную молитву, которую мама дала перед войной, он носил всю войну в военном билете.

Тысячи и тысячи историй рядовых бойцов, которые обращались к Богу в те страшные годы, останутся нам неизвестными. Но именно они, фронтовики, потом многократно повторяли: «В окопах атеистов не бывает». Из всех историй приведём только одну. Её рассказал участник Сталинградской бит-

вы: «После освобождения Сталинграда нашу часть оставили нести караульную службу в городе. Здесь не было ни одного целого дома. Был апрель, уже пригревало солнце. Однажды среди развалин дома я поднял из мусора книгу. Стал читать её и почувствовал что-то такое родное, милое для души. Это было Евангелие. Я нашёл для себя такое сокровище, такое утешение!..

Собрал я все листочки вместе – книга разбитая была, и оставалось то Евангелие со мною всё время. До этого такое смущение было: почему война, почему воюем? Много непонятного было, потому что сплошной атеизм был в стране, ложь, правды не узнаешь. А когда стал читать Евангелие – у меня просто глаза прозрели на всё окружающее, на все события. Такой мне бальзам на душу оно давало.

Я шёл с Евангелием и не боялся. Никогда. Такое было воодушевление! Просто Господь был со мною рядом и я ничего не боялся. Дошёл до Австрии. Господь помогал и утешал». Эта история сержанта Павлова, который сразу после войны поступил в только что открывшуюся Московскую Духовную семинарию и впоследствии стал известен как один из опытнейших духовников, старец – архимандрит Кирилл (Павлов).

Приведём ещё небольшой отрывок из его воспоминаний о войне: «Эта великая страшная Отечественная война, конечно, явилась следствием попущения Божия за наше отступление от Бога, за наше моральное, нравственное нарушение закона Божия и за то, что попытались в России вообще покончить с религией, с верой, с Церковью. Перед са-

мой войной не случайно почти все храмы были закрыты. Их к этому времени оставалось на Руси совсем небольшое количество. У противников Церкви была именно такая цель – вообще всё прикончить... Господь провидел эти вражеские планы, и чтобы не попустить их осуществление, Господь попустил войну... И мы видим, что война действительно обратила людей к вере, и правители совсем по-иному отнеслись к Церкви. В особенности, когда вышел декрет Сталина об открытии храмов в России. Это, несомненно, подвигло милость Божию к нашей стране, к нашей Церкви, к нашим людям... Сразу же поднялась, окрепла и усовершенствовалась у нас военная техника. По-человечески мы всё это относим к тому, что люди объединились и успешно работали на передовой

и в тылу. Это правильно. Но силу, энергию и ум дал им Господь.

Когда я читал воспоминания маршала Жукова, мне бросился в глаза момент, где он пишет о том, как он поражался в начале войны гениальности стратегических планов немецких генералов. Потом он удивлялся тем ошибкам и просчётам, которые впоследствии они же совершали.

Это со своей стороны говорит Жуков. Я со своей стороны скажу: это всё совершала премудрость Божия! Господь, кого хочет наказать, всегда лишает разума, ума... И тот же человек, который вначале проявлял мудрость, когда благодать Божия отступила, – совершает ошибки.

Когда Господь уже решил дать помощь нашему народу, нашей армии, Он омрачил умы фашистам, а нашим воена-

чальникам дал мудрость, воинскую смекалку, мужество и успех. Господь давал силы, энергию, разум нашим конструкторам и инженерам для того, чтобы одержать победу. Как говорится: «Без Бога – не до порога!»».

На протяжении всей войны во всех храмах нашей страны ежедневно возносилась молитва о даровании победы над врагом. И также, как не случайно то, что война началась 22 июня 1941 года, в День памяти всех русских святых, не случайно и то, что закончилась она в дни празднования Светлой Христовой Пасхи, в мае 1945 года.

Исполнилось 75 лет с того момента, когда Великая Отечественная война, священная война нашего народа завершилась полным разгромом фашистской Германии и её союзников. Прошедшие

годы помогают нам видеть, как совершаются судьбы Божии в истории нашего Отечества. Мы должны помнить и свои падения, и свои взлёты. Память о падениях помогает отходить от края пропасти. Память о взлётах даёт силу жить и учиться, как правильно жить. Память о Победе нашего народа, народа Божия, в Великой Отечественной войне помогает нам слышать и повторять звучащий в веках гимн победы тех, кто знает: «С нами Бог»:

«С нами Бог, разумеете, языци, и покаряйтесь: яко с нами Бог.

Услышите до последних земли: яко с нами Бог.

Могущия, покаряйтесь: яко с нами Бог.

Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете: яко с нами Бог.

И иже аще совет совещаваете, разорит Господь: яко с нами Бог.

И слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас: яко с нами Бог.

Страх же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог.

Господа же Бога нашего, Того освятим, и Той будет нам в страх: яко с нами Бог.

И аще на Него надеяся буду, будет мне во освящение: яко с нами Бог.

И уповая буду на Него, и спасуся Им: яко с нами Бог».

О ЧЁМ МОЛЧАТ СТАРИКИ

Закончился учебный год. Мы собрались с ребятами-выпускниками поговорить о том, каким должен быть Закон

Божий в старших классах, точнее – о чём он должен быть, насколько нужными и востребованными оказались предложенные на уроках темы, а что, к сожалению, осталось без внимания. Мне казалось, что нужно опираться только на то, что как-то уже нашло своё место в жизненном опыте молодых людей. Со мной не согласилась одна из участниц разговора: «Мы общаемся не только с равными себе по возрасту, интересам, проблемам, но и с людьми другого поколения, которыми нам предстоит ещё стать. А мы их не знаем, не понимаем. Например, что такое старость?»

А действительно, что такое для молодого человека маячащая где-то далеко на горизонте старость? Это только сливающаяся в полоску финишной ленты черта? Я хорошо помню случай, когда невольно

получил ответ на этот вопрос. Я, молодой священник, спешил утром на службу. На улице стояла зима, перед входом в монастырский двор мороз сковал огромную лужу. По льду осторожно, шаркая ногами, пробирались две старушки, направляясь в храм. Если бы я встретил их по отдельности, о каждой сказал бы одинаково: старушка. Но будучи вместе, они заметно отличались друг от друга: одна была гораздо моложе, другая – совсем ветхая. Вцепившись друг в друга, они преодолевали опасную скользкую лужу. При этом ветхая старушка вдруг сказала вслух то, что замыкало цепочку её внутренних мыслей: «Ну вот, до старости дожили, как теперь до смерти дожить».

Я тогда впервые задумался над тем, что старость, так же, как и молодость, – это целый период жизни, вступая в кото-

рый, они, старики, заметно меньше говорят и заметно больше думают. О чём они думают? Надо ли знать молодым, о чём молчат старики?

Вот старый человек идёт на исповедь, исповедуется часто, иногда с видимым сокрушением. Молодой удивляется: в чём каяться старику? Это ему, молодому, погружённому в водоворот страстей и имеющему силы этим страстям следовать, есть в чём исповедоваться часто. А они что?

Если бы исповедь стариков была доступна молодым, они бы узнали, что старики очень часто вспоминают именно годы молодости, когда бездумное и безответственное отношение к жизни привело к совершению того, что уже никогда не вернёшь и ничем не поправишь. Тогда, в молодости, раны, которые полу-

чала душа от греховных падений, как-то и не давали о себе знать. Один из древних святых сравнивал находящегося в греховной страсти человека с бешеным псом, который кидается на пилу, грызёт и лижет её, разрывая в клочья язык, захлёбываясь в своей крови, но при этом не чувствующий боли. Боль наступит потом, когда бешенство утихнет и пёс придёт в себя. Так и человек в старости начинает испытывать нестерпимую боль за греховные дела молодости. Если бы в его власти было вернуться назад и всё сделать иначе. Но это невозможно. Покаяние, и не один раз, уже принесено, прощение получено, а боль, как рана, из которой вынут осколок, остаётся как напоминание: с грехом заигрывать нельзя, он будет терзать и мучить тебя и через многие годы.

А ещё молодой услышал бы, как старики говорят о смерти. Да, все мы умрём, это знают и молодые. Но для них – это такая далёкая перспектива, о которой не думается каждый день. Старики же говорят о смерти, как о том, что может наступить в любой момент, поэтому они к ней серьёзно готовятся: не желая доставлять хлопоты своим близким, откладывают на похороны деньги, заранее покажут платье или костюм, в котором их понесут в последнем земном доме, если есть возможность – огорожат верёвочкой место на кладбище под свою будущую могилку. Они со смертью разговаривают и недоступным молодёжи опытом душою проникают за неё, туда, где будет Суд и вечность. Они готовятся, но молодым не рассказывают об этом, потому что у молодых вечность, в лучшем случае, толь-

ко на языке, а душа погружена по макушку в земное.

И ещё я люблю стариковское молчание с их едва заметной улыбкой, когда молодые по привычке начинают жаловаться на трудности жизни, кажущиеся им концом света. В глазах стариков светится добрая соломонова мудрость: «Это пройдёт». Молодые добавляют страха: «Но вот же ещё!» В ответном взгляде: «И это пройдёт тоже». Они, старики, это знают точно. По-настоящему страшно совсем другое – откладывать главное на потом и не успеть: поздно.

...Иду утром на молебен. Вышел раньше, чтобы никто не томился у закрытых ворот храма. Но, как всегда, я здесь не первый, а второй. Уже дожидается баба Валя. Для неё даже просто дойти до храма в её годы и при её болезнях –

это настоящий подвиг. Но она неизменно в любую погоду, в любое время года, идёт в храм. Она – видимое благословение Божие нашему храму, нашему приходу. А для меня – тот, у кого я постоянно учусь, как надо достойно проходить, словно по скользкому льду, не падая, последний период своей земной жизни, в котором уже поселилось грядущее.

Многая вам лета, дорогие наши старики!

НЕ В БРАЧНЫХ ОДЕЖДАХ

Два раза в течение церковного года на воскресной службе читается притча о брачном пире. Евангелист Лука, пересказывая слова Иисуса Христа, основное внимание уделяет тем, кого именован-

ли «званными», ближайшим друзьям царя, которые нашли разные предлоги, чтобы отказаться от приглашения. Второй волной, после отказавшихся прийти «званных», приглашение последовало всем, кого только нашли на распутьях слуги царя: нищим, увечным, хромым, слепым. Брачный пир наполнился возлежащими.

И здесь евангелист Матфей добавляет важную подробность. Царь, войдя посмотреть на пришедших, увидел одного человека не в брачных одеждах. «Друг, как ты вошёл сюда не в брачных одеждах?» Но тот молчал. Закончилось всё, как может показаться, уж слишком строго: человек тот не просто был изгнан с пира, но слугам было приказано: «Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов».

Если бы речь шла об обычной вечеринке, сразу возникает множество вопросов к строгому царю: а может быть этот человек бедный, у него нет праздничной одежды, зачем с ним так надо было поступать, разве нарядная брачная одежда – это так принципиально? Но в том-то и дело, что притча в образе брачного пира говорит нам о Царстве Небесном. И извергнутый с брачного пира человек виноват. Даже в традициях того времени, когда богатый господин приглашал гостей на пир, бедным, не имеющим что одеть, выдавалась праздничная одежда. Значит, этот человек сам отказался от неё. Он пришёл на пир не ради царя и его сына, а только потому, что здесь дают поесть. Что за пир, кто жених и невеста – ему всё равно. Поэтому, будучи обличаем, он молчит, ему и

нечего сказать в своё оправдание. А ведь здесь царь – это Господь, жених – Сын Божий Иисус Христос, невеста – Святая Церковь Христова, снедь на трапезе – закланный за грехи всего мира, в том числе и этого человека, Агнец Божий.

Тревожно читать о человеке, извергнутом с брачного пира. Во что одета моя душа? Внешние ризы видят все, а одеяние души – только Царь. А вдруг Он подойдёт и скажет мне на Суде: «Друг, ты столько лет участвовал в брачном пире, причащался Святых Христовых Тайн. Каждый день, собирая хотя бы по одной белой ниточке достойные твоему званию христианина дела, ты мог бы соткать брачную одежду для своей души. Почему она так и осталась прежней, ничуть не изменившейся, ничем не украшенной?» Нечего будет ответить Ему. И тог-

да: связать ему руки и ноги – то есть время для дел прошло; ввергнуть во тьму внешнюю – она за пределами Царства света; и там будет плач и скрежет зубов – это невыносимая печаль о том, что не сделано, и уже поздно.

* * *

После Литургии выхожу из храма. Наш маленький прихожанин внимательно рассматривает объявление на воротах забора, который отделяет храмовую территорию от соседей-предпринимателей, приделавших грозную надпись: «Осторожно, злая собака!» Увидев меня, пареньёк спрашивает: «Собака так долго живёт рядом с храмом! Почему она до сих пор злая?» «Ну, она же собака» – сказал я и понял, что ничего не объяснил.

Действительно, почему?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авраам, Исаак и козлёнок	3
Херувимское послушание	15
Границы России	24
Правила жизни	30
Стоп	35
Цель и средства	41
«Агностик»	47
Узелки	58
Кто нас соединяет	65
Память короткая и длинная	71
Священная война	78
О чём молчат старики	107
Не в брачных одеждах	114

Протоиерей Сергей Гомаюнов

Авраам, Исаак и козлёнок

Технический редактор, вёрстка: В. А. Самылов
Корректор: П. С. Лугинина, Э. Л. Павлова

Подписано к печати 05.10.20
Формат издания 70x100/32
Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 3, 5. Печать офсетная
Тираж 500
Заказ №

НП «Издательство «Буквица»
Тел. (8332)22-62-84
E-mail: bukvisa04@gmail.com

Отпечатано в ООО «Кировская областная
типография»
610004, г. Киров, ул. Ленина, 2, тел. (8332)38-34-34
www.printkirov.ru